

Кленовый лист

Татьяна Летская

Татьяна Ленская
Кленовый лист

«Автор»

2025

Ленская Т.

Кленовый лист / Т. Ленская — «Автор», 2025

В Японии эпохи самураев долг ценился выше любви, а честь — выше жизни. Воин, сопровождающий своего господина, вынужден подвергнуть сомнению порядок, который определял его жизнь. «Кленовый лист» — повесть о столкновении долга и чувства, о сдержанной нежности, спрятанной за поклонами и молчанием, о том, как хрупким бывает то, что кажется негибачаемым. Это не история о войне. Это история о тех, кто выбирает, как жить — и как умереть.

© Ленская Т., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

10

Татьяна Ленская

Кленовый лист

Падал кленовый лист. Падало солнце за бескрайнюю черту горизонта.

Я тяжело склонил голову к окну. Мы не успевали доехать до дома, в котором ждали великих гостей. От непогоды размыло убитые дороги городов, далёких от столицы. Наш ход был значительно замедлен, а потому мой даймё¹ пожелал ночевать в деревне рядом. Он принял это решение ещё днём и уточнил у меня, знаю ли я подходящее место. По моим сведениям, там располагался дом небогатых самураев с большой родословной.

Микайо Огасавара. Так звали постаревшего буси², давно уже забывшего о звоне клинков, следящего за домом, в котором готовили хорошее, по слухам, домашнее sake³. Его деды и прадеды были доблестными самураями. Каждый в семье проходил самый желанный для истинного воина Путь. Семья была богатой, избалованной теплым светом обманчивой славы.

Теперь же род Огасавара был всеми позабыт. Его укрыла пыль быстротечного времени, его имя было замотано в пелену одинокого существования. Микайо не потерял смысл своей жизни по одной причине: он кропотливо выкраивал будущее дочерей.

Я знал об этой семье лишь по той причине, что знакомого моего сосватали за небывалую красавицу, которую звали Масами Огасавара. Эта девушка искусно танцевала и благородно вела беседу, талантливо пела и элегантно разливала гостям чай. Таких чудесных невест в том доме было не счесть. Я точно был уверен в том, что ни одного сына у Микайо не было. Было даже любопытно заехать в его дом, чтобы посмотреть, как наяву выглядят слухи, проросшие вокруг фамилии Огасавара.

Холодало, темнело. Повозка свернула с главной дороги. Нас раскачивало и трясло на камнях. Мой даймё проснулся и с отстранённым, строгим недовольством спросил, когда мы доедем. Мой ответ не был утешительным.

Господин заговорил со мной о налогах, которыми недавно обложили крестьян. Он думал, что скоро недовольство народа дойдёт до предела, и сёгуна⁴ постигнут большие проблемы, возникшие из-за восстаний. Я был с ним согласен, а потому отвечал утвердительно и кратко. Видимо, мой даймё посчитал, что я не желаю говорить об этом, или не сведущ в политике, поэтому молча отвернулся к окну с равнодушием.

Мы наконец стали приближаться к деревне. Листва зашелестела под натиском ветра. Ещё до заката господин приказал одному из слуг, сопровождавших его, отправиться на коне к нуж-

---

¹ крупный феодал, элита японского общества.

² с японского – воин.

³ традиционный алкогольный напиток.

⁴ военный правитель, главнокомандующий.

ному дому, предупредить хозяев о визите даймё. В случае, если бы Микайю Огасавара отказал в ночлеге, слуга должен был вернуться и сообщить господину о проблеме.

Благо, мне не пришлось узнать, что сделают с господином Огасавара в случае его отказа. Когда гонец прибыл, он сообщил хорошую весть: самурай ждёт великих гостей с нетерпением и радостью. Даймё в ответ на это высокомерно кивнул гонцу с видом, будто то был император. Я не смел судить моего господина, лишь беспристрастно вновь отвернулся к окну, глядя, как за ним мелькают тяжёлые дождевые капли.

Даймё знал меня плохо. Служить ему я начал недавно. Пусть уже некоторое время я пробыл с ним рядом, он до сих пор не сложил представления о том, каков мой характер. А мне казалось, я его понял. Это был совершенно спокойный, холодный и справедливый человек. Редко он был близок с кем-то. Предпочитал гордое одиночество бестолковой компании.

Порой я вспоминал предыдущего господина, взявшего меня на службу. Это был крупный феодал с большим поместьем, садами и толпами слуг. Он умер от болезни, которую никак не могли победить врачи. Ему было сорок семь лет, когда жизнь его оборвалась. И мне было жаль. Но не его. За господина я был рад, ведь я всегда относился к смерти, как к одному из этапов существования, через который нужно пройти. Эта была дверь во что-то иное, непостижимое и интересное. Жаль было, что теперь я вынужден служить другому самураю: его племяннику. Я был счастлив стать опорой ещё одному благородному господину. Но почему-то чувство верности делало меня предателем в моих же глазах. Правда, никто, кроме меня, так не считал. Для остальных я оставался благочестивым и преданным воином, защитником благородного господина.

Я часто думал о смерти. В конце концов, я никогда не смел забывать о своём Пути, о самурайской чести и о том, что составляло мою жизнь. Я наизусть помнил строки бусидо⁵, которые ровными мазками начертили иероглифы, цитирующие мою жизнь.

«Самурай должен прежде всего постоянно помнить – помнить днем и ночью, с того утра, когда он берет в руки палочки, чтобы вкушать новогоднюю трапезу, до последней ночи старого года, когда он платит свои долги, – что он должен умереть».

Все самураи с рождения мертвы. Я денно и ночью вторил эти строки самому себе, пока они не остались начертанными в моём сердце. Главным моим желанием было сохранить честь, стать достойным. И для меня это означало стать самым верным слугой, самым преданным воином своего господина.

Но мой предыдущий господин никак не покидал моих мыслей. Я был не просто его слугой, не просто преданным, как пёс, воином. Я был его соратником. Он прислушивался ко мне и сам помогал, делясь мудростью в самые тяжёлые дни моей жизни. Ему было хорошо со мной, а мне с ним.

Новый же господин был замкнут. Он рано добился своего высокого положения и теперь боялся возможного предательства или покушения. Однажды я спас его от нападения весьма опасного синоби⁶. Убийца был нанят важными чиновниками, которым восхождение моего гос-

---

⁵ кодекс самурая.

⁶ ниндзя, наёмник в средневековой Японии.

подина на свой пост помешало осуществить правительственные интриги. Впрочем, ничем плохим для даймё это не закончилось. Только усилило его подозрения к окружающим. Порой, он с сомнением относился даже к моим словам и действиям, хотя никогда, насколько я могу судить, я не давал для этого повода. Это не давало нам с моим господином сблизиться.

Мне казалось, что верной службой новому господину, я предаю память погибшего. Хотя я прекрасно знал, что это не так. Но возвращённая моим отцом, наставниками и учителями преданность не давала погасить это чувство. Это стало последним шагом, не давшим мне привязаться к даймё.

Наконец мимо стали проноситься огни домов. Люди глядели в окна и даже выходили на улицу, только чтобы посмотреть на богатую повозку. Некоторые кланялись проезжавшему в ней господину, иные нарочито отворачивались.

Дорога была уже не так плоха. До нужного дома мы доехали быстро. Вскоре повозка минула гостеприимно распахнутые ворота. Они были достаточно велики, вероятно, их отстроили в те благие времена, когда род Огасавара был знаменит и богат. Я присмотрелся к белой арке. Она была аккуратно выкрашена. Судя по всему, Микайю следил за наследием героических предков.

Проехав через сад, обогнув небольшой пруд, в котором одна за другой тонули дождевые капли, мы остановились у входа в красивый дом. На длинном деревянном пороге в ряд строились массивные колонны красного цвета, упираясь в изгибистую крышу, покрытую чёрной черепицей. На краю её была вырезана из дерева изящная окантовка, а у самого входа висели красивые расписные фонари.

Перед входом стоял немолодой мужчина, в чьих некогда смольно-черных волосах теперь ясно выделялась проседь. Морщинистые глаза сощурились, стоило ему заметить, как мой господин начал выбираться из повозки. Поднимаясь по ступенькам, даймё окинул взглядом здание, после чего опустил взор на склонившуюся в поклоне фигуру. По глубине принятого по этикету наклона я понял, что перед нами стоит сам Микайю Огасавара.

– Для меня честь встречать в своём доме достопочтенного даймё, – учтиво, с отточенной выправкой произнёс хозяин.

Я назвал своего господина после того, как гостеприимный самурай представил себя. Выполнив все ритуалы приветствия и высказывания уважения, мы все проследовали в дом. Микайю предложил ужин всем посетившим его самураям. Воины, сопровождавшие моего господина, после долгой и изнурительной дороги желали одного – отдохнуть после тяжёлого пути. Тогда, услышав отказ и причину, господин Огасавара пригласил их следовать за слугами в приготовленные комнаты. Даймё же пожелал отужинать, несмотря на поздний час. После недолгого сна в карете у моего господина всё же появились некоторые силы, какие он готов был потратить на трапезу.

Нас проводил Микайю лично, не докучая великому гостю вниманием слуг. Мы шли в абсолютной тишине, что позволило мне полюбовно рассмотреть старинные, судя по отделке, коридоры. Так богатые феодалы украшали свои дома раньше. Характерные узоры на ширмах, распространённые некогда росписи, узоры на дверях и стенах. Всё это было собрано предше-

ствующими поколениями. Но, стоило отметить с уважением, Микайю даже старинное убранство, вышедшие из моды, оберегал и находил ему достойное применение в доме.

Мы вошли в светлую просторную комнату. Стены украшали нарисованные тушью силуэты цаплей, окружённых нежными лотосами. В центре был накрыт стол с угощениями для даймё. Они были скромнее чем те, какие обычно подавали во дворце господина, но, для далёкой от столицы провинции, это были самые роскошные блюда, которые только можно было приготовить за полдня.

В комнате присутствовали помимо слуг четыре девушки. Все они были очаровательно прекрасны. Они, красиво и опрятно одетые, причёсанные, смиренно сложили руки у живота. Нетрудно было догадаться, что это были дочери господина Огасавара.

Всех женщин из сословия самураев растили, закладывая в их характер кротость, изящность, утончённость и покорность. Выражения лиц девушек отражали одно – смиренную радость от той чести, какую оказал им своим визитом даймё. Но одна особа отличалась от остальных.

По росту она не сильно выделялась, вот только даже лицом она была немного более худой, чем свои сестры. Взгляд её казался острее и холоднее, а губы её балансировали на грани усмешки. Но не наглой, не презирающей. Такое я распознавал сразу и настороженно относился как к угрозе для своего господина. Но эта усмешка была скорее хитрой и завораживающей. Будто бамбук, молодой и хлёсткий. Он вот-вот поддастся порыву ветра, гуляющему по зарослям, готовый изогнуться несильно, но чувственно.

От мыслей меня отвлек Микайю. Он ещё раз поблагодарил даймё за визит и попросил разрешения представить свою семью. Мой господин окинул взглядом молодых красавиц. Он не подавал виду, но я тратил годы, чтобы обучиться нинсо, искусству «читать» лица, поэтому без труда понял, что ему эта идея понравилась. Даймё степенно кивнул и стал следить взглядом за девушками в том порядке, в котором их называл отец.

Я оказался прав, все они были сёстрами. Я старался запомнить каждое имя, найти различия между ними. Это предполагал мой долг. Но имя той одной, что выделялась из них, мне даже не пришлось запоминать. Оно само как-то запало в мои мысли. «Кэтсуми». Я не понимал до конца его значения, но благозвучием оно привлекло меня.

Демонстрируя глубокое почтение, все сёстры совершили одинаковый глубокий поклон. Я опять смотрел на Кэтсуми. Движения её сёстры были нежными выверенными, с отточенностью женского воспитания. Она, в отличие от других, сохранив изящество, пренебрегла нежностью, словно предпочла ей правильность, строгость движений. С тем же воины наносили удар.

Церемониальность приветствия заменена была торжественностью ужина, такого значимого для обедневшего самурая и его семьи. Но мне казалось, что нас принимают в богатом доме. Так впечатляли меня и моего господина воспитание хозяина и его дочерей, уверенность движений, пронизанных достоинством.

Благородные девушки беседой доставляли удовольствие даймё. Это создавало расслабляющую непринуждённость. Вместе с тем она внушала пьянящее чувство собственной значимости. Господин любил слушать больше, чем говорить, потому за короткую светскую беседу

девушки поменяли много тем, о которых принято говорить благородным особам в обществе. Микайю тоже молчал. Он внимательно, с малой долей опасения смотрел то на дочерей, то на даймё, то на меня.

Я тоже присоединился к разговору, решив ненавязчиво проверить, правильные ли вещи я знал об этой семье. Отвечал мне сам хозяин, польщённый интересом к их роду. Я вспомнил слухи про саке, Микайю их подтвердил.

«Мне приятно, что в других городах есть люди, на которых приятное впечатление произвёл приём в этом доме», – признался господин Огасавара. Потом он указал на центр стола, куда гостеприимно поставили фуцюсу⁷

---

⁷ столовое рисовое вино, вид саке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.